

DOI: 10.12731/2576-9782-2025-9-4-298

EDN: FDBVEZ

УДК 316.6:316.34/.35:316.47:323.1

Научная статья

ЭТНИЧЕСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

А.П. Дибирова

Аннотация

Обоснование. Настоящая статья является обобщением части научной работы в рамках плана НИР ИСПИ ФНИСЦ РАН по теме «Социологический мониторинг развития гражданского общества, социальных и политических институтов». Тема межличностных отношений на Северном Кавказе не теряет актуальности. Исторически сложившиеся взаимодействия кавказских народов между собой и внешним миром приобретают новые модификации в результате активных миграционных процессов в самом регионе и вне его. Это, в свою очередь, оказывает влияние на глобальные социальные процессы.

Материалы и методы. Используются материалы опроса, проведенного в республиках Северо-Кавказского федерального округа России. Опрос репрезентативен по возрасту, полу, этнической принадлежности и типу поселения.

Цель. Изучение межличностных отношений в контексте этноконфессиональной и гендерной принадлежности респондентов в республиках СКФО.

Результаты. Установлено, что три четверти участников опроса имеют друзей среди представителей иного вероисповедания. Больше друзей иной веры у русских и русскоязычных респондентов. В представлениях кавказцев о «дружбе» и «вражде» имеются небольшие гендерные раз-

личия. В среднем мужчины чаще, чем женщины имеют друзей среди представителей другого вероисповедания (больше на 2,8%), а «врагов» у женщин на 2,3% больше, чем у мужчин. У респонденток Карачаево-Черкесии как друзей-«иноверцев», так и «врагов», оказалось значительно больше, чем у респондентов. 17,3% опрошенных в качестве «врагов» называют «коллективный Запад и сионизм».

У жителей Северного Кавказа не выявлено выраженной неприязни к представителям других религий, сект, национальностей, гомосексуалистам, к «лицам, принимающим и употребляющим наркотики». Наибольшую активность в опросе проявили русские и русскоязычные респонденты, а также жители Ингушетии: ими дано максимальное количество ответов сразу по нескольким характеристикам образа «врага».

Ключевые слова: Северный Кавказ; межличностные отношения; дружба; неприязнь; поликонфессиональное общество; многонациональное общество; гендерные ориентации; гендерные различия; этногендерные установки

Для цитирования. Дибирова, А. П. (2025). Этнические и гендерные установки жителей Северного Кавказа в контексте межличностных отношений в многоконфессиональной, интернациональной среде. *Russian Studies in Culture and Society / Российские исследования. Культура и общество*, 9(4), 60-89. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-4-298>

Original article

ETHNIC AND GENDER ATTITUDES OF THE NORTH CAUCASUS RESIDENTS IN THE CONTEXT OF INTERPERSONAL RELATIONS IN A MULTI-CONFESSIONAL, INTERNATIONAL ENVIRONMENT

A.P. Dibirova

Abstract

Background. This article is a summary of a part of the scientific work carried out within the framework of the research plan of the ISPR FCTAS

RAS on the topic “Sociological monitoring of the development of civil society, social and political institutions”. The topic of interpersonal relationships in the Northern Caucasus still remains relevant. Historically established interactions between Caucasian peoples and the outside world are undergoing new modifications as a result of active migration processes within and beyond the region. This, in return, influences global social processes.

Materials and methods. The survey data were collected conducted in the republics of the Northern Caucasus Federal District of Russia. The survey representatives of age, gender, ethnicity, and settlement type.

Purpose. Analysis of interpersonal relationships in the Northern Caucasus Federal District republics in the context of respondents’ ethnic, religious, and gender affiliations.

Results. It was found that three quarters of the survey participants have friends among representatives of another religion. Russian and Russian-speaking respondents had more friends of other faiths. There are slight gender differences in Caucasian ideas about “friendship” and “enmity.” On average, men than women have friends among representatives of other religions (2.8% more), and women had 2.3% more enemies than men. Only data from Karachay-Cherkessia show a significant difference in the gender component: female respondents had significantly more “non-religious” friends and “in general” enemies than respondents. 17.3% of respondents view “the collective West and Zionism” as enemies.

Residents of the Northern Caucasus did not express any strong hostility towards representatives of other religions, sects, ethnicities, homosexuals, drug addicts. Giving the maximum number of answers, ethnic Russian and Russian-speaking respondents and the respondents from Ingushetia were the most active in the survey.

Keywords: Northern Caucasus; interpersonal relationships; friendship; hostility; multi-confessional society; multinational society; gender orientations; gender differences; ethno-gender attitudes

For citation. Dibirova, A. P. (2025). Ethnic and gender attitudes of the North Caucasus residents in the context of interpersonal relations in a multi-confessional, international environment. *Russian Studies in Culture and Society*, 9(4), 60–89. <https://doi.org/10.12731/2576-9782-2025-9-4-298>

Введение

Тема межличностных отношений является нарративом массмедийных и научных платформ в странах с многоконфессиональной/многонациональной структурой населения. Актуальность вопроса объясняется участвовавшими в период глобализации взаимодействием людей с различным этническим и религиозным бэкграундом. Например, по мнению некоторых исследователей, влияние суннитского ислама на живущих поколениями в Европе выходцев из Ближнего Востока и Передней Азии с годами только возрастает [38; 39, p. 100-106]. Н. Арел в своем труде «Europa ohne Seele» («Европа без души») сформулировал доктрину «приемлемого взаимодействия» коренных европейцев и выходцев из мусульманского зарубежья: «Социальная интеграция мусульман в Германии может быть удачной только на основе безусловного признания европейских демократических законов» [33, s. 207]. Janssen и Ауса констатировали: межконфессиональные контакты в европейском социальном пространстве мусульманами поддерживаются неохотно, они, скорее, являются исключением и некоей формой протеста молодых людей против «патриархального уклада» [36, p. 13].

В странах Юго-Восточной Азии (Индонезия, Мьянма, Таиланд) проблема межконфессионального взаимодействия актуальна из-за тесного проживания мусульман и христиан. Ряд авторов подмечает: члены мусульманских традиционных социумов выступают против межрелигиозных контактов [32; 34]. Другие источники указывают на то, что в связи с проникновением глобализации в традиционные общества Дальнего и Среднего Востока и ростом численности образовательных учреждений, «религиозные и этнические группы ... демонстрируют удивительную толерантность, которая согласуется с постулатами Конституций данных стран» [37; 40, p. 139].

Проблема межэтнических отношений в Российской Федерации настолько насущна, что была названа Президентом в ежегодных посланиях Федеральному Собранию в 2014 и 2020 гг. важнейшей, требующей откровенного разговора в обществе. В.В. Путин подчеркнул, что виновниками конфликтов являются «не представи-

тели каких-то народов, а люди, лишённые культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим. Это своего рода аморальный интернационал...» [29].

Рядом исследователей подмечено, что многовековое совместное проживание этносов, принадлежащих к различным конфессиональным общностям, выработало «культурно-бытовую близость», веротерпимость, «высокий уровень межкультурного взаимодействия», прочные коллегиальные и дружественные связи [4, с. 76; 1, с. 190; 20, с. 60; 8, с. 89-91; 9, с. 202-212]. Другие авторы придерживаются противоположной позиции. Наблюдая природу социокультурных конфликтов, они указывают на причины, по которым кавказцы испытывают трудности в частных межэтнических и межконфессиональных отношениях:

- замкнутость (закрытость) для внешних влияний, консерватизм, традиционализм и патриархальность, устойчивая связь поколений и их преемственность [17, с. 63; 12, с. 111-114];
- конфликтогенность ряда элементов в культуре данных этносов: тенденция к радикализации религиозного мировоззрения, пренебрежение к культурным традициям других народов [26, с. 10-13; 1, с. 190-200; 19, с. 176];
- высокая мера совпадения этнической и конфессиональной идентичностей [20, с. 59-60; 30, с. 78-79];
- повышенная потребность в групповой идентификации по национальному признаку [28, с. 90; 6, с. 140-141];
- неприязнь к «вероотступникам» [8, с. 90-93];

Основой конфликтогенности кавказцев - последователей ислама З.М. Абдулагатов считает постулаты самого учения, «которые наносят вред как самой религии, так и обществу и государству». Многообразие толкований ислама способствуют развитию внутриконфессиональных конфликтов, а в процессе развития последних – к практике экстремизма и терроризма [2, с. 37-39].

Конфликтолог Г.И. Козырев, изучая причины конфликтов между представителями малых и крупных этносов, называет общероссийские причины: «противоречия *между* представителями различных

политических культур, богатыми и бедными, государством и обществом, федеральным центром и регионами; снижение рейтинга доверия россиян к органам власти» [13, с. 77]. На кавказской почве они более остры вследствие больших экономических трудностей и устойчивого снижения доверия к региональным органам власти [14, с. 57].

Приведенные доводы подкрепляются количественными оценками. По данным В.С. Собкина и Е.В. Николашиной (2006), только треть молодых респондентов-москвичей на вопрос: «Как Вы относитесь к выходцам из Северного Кавказа, проживающим в Москве?», дали позитивный ответ: «Человек имеет право выбирать любое место для проживания» [25, с. 23-24]. По данным М.П. Мчедлова и коллег (2004) на вопрос «Представители каких национальностей осложняют обстановку в Москве?» 59,8% респондентов ответили, что обстановку усложняют «кавказцы», 11,2% - «чеченцы», 3,3% - «сами русские», 2,3% - «среднеазиаты» [20, с. 60].

По данным С.С. Богдан и коллег (2014) в другом регионе РФ – ХМАО-Югре – идею «Россия для русских» поддержали 55% опрошенных из общей выборки, среди молодежи - 57%. Уровень конфликтности между представителями разных национальностей в этом округе был оценен респондентами как «высокий» (38%). Причинами называются: высокая степень криминализации этнических групп (46% русских и 44% других национальностей); низкий культурный уровень представителей «некоторых» национальностей (43% русских и 73% других национальностей). Более половины респондентов признались, что существуют национальности, с которыми они предпочитают не иметь дела. Так, среди русских студентов к числу представителей данных национальностей относят дагестанцев (64% респондентов), чеченцев (55%), цыган (44%), азербайджанцев (46%), таджиков (27%). Как видно, речь идет в основном о представителях кавказских народов [5, с. 167-170].

В области межнациональных отношений к 2020 году наметились положительные сдвиги. Так, на этот же вопрос («Как вы относитесь к идее «Россия для русских»?) в 2020 г. даны следующие ответы:

19% респондентов - «Поддерживаю», 32% - «Её было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах». 29% - «Отрицательно, это настоящий фашизм». Опрос проведен по репрезентативной все-российской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 134 населенных пунктах 46 регионов страны [21].

Мнение самих кавказцев о межличностных отношениях в интернациональной среде представлены статьями М.З. Магомедовой (2011), З.М. Абдулагатова (2021) монографией М.З. Магомедовой (2022) и научным очерком А.А. Цуциева (1998) [17; 3; 18; 31]. Результаты массового опроса, проведенного М.З. Магомедовой среди респондентов СКФО с разницей в 10 лет, показывают стабильность отношений между кавказцами и русскими. Так, 54% респондентов-кавказцев в 2011 году оценили их как «недостаточно стабильные» [17, с. 66]. К 2022 г. состояние отношений между кавказцами и жителями других регионов РФ почти не поменялось: 52% выходцев с Северного Кавказа оценили эти отношения как «недостаточно стабильное» [18, с. 169-173]. Для сравнения: в республике Татарстан абсолютное большинство респондентов оценивали межэтнические отношения как «вполне нормальные» и «не вызывающие тревоги» - 84, 8% в 1990 г. и 92,4% в 2014 г. [7, с. 220-223].

По результатам исследования З.М. Абдулагатова, М.М. Шахбановой (2011), в Республике Дагестан в молодежной среде существуют «лишь некоторые» элементы предвзятости и негативизма в отношении представителей других народов. В 2010-х годах отрицательные эмоции в отношении других этносов были характерны для 3,4% представителей дагестанской молодежи; 12% указали, что предпочитают общаться только с представителями народов Дагестана, 15% - только с представителями своей нации [1, с. 189]. В среднем, три четверти студентов дагестанских вузов с интересом общаются с представителями других народов [22, с. 126-128].

Следует признать существование в северокавказском обществе настороженного отношения к русскому этносу. Жить по соседству с русским человеком в начале 1990-х годов изъявили желание от

40 до 50% представителей дагестанских этносов. За последующие 15 лет доля желающих уменьшилась до 14,4% в общей выборке, а среди учащихся исламских учебных заведений таковых нет совсем [3, с. 50-60].

Публикаций, посвященных пренебрежению, неприязни и вражде со стороны кавказцев к русским немного. Возможно, исследователи не изучали эту тему, предполагая, что респонденты не будут открытыми. Найдены преимущественно научно-популярные очерки, посвященные этому вопросу [19; 16;31]. По мнению А.А. Цуциева, пренебрежение кроется в неприятии кавказцами таких признаков «русского мужика»: а - «бытие как питье», б - «употребление неформализованной лексики и языковая компетенция», в - внешний вид, одежда и “мода”. В результате «русский воспринимается как носитель разрушенной культуры, человек без стойких групповых солидарностей и обязательств» [31].

Имеются публикации, в которых рассматривается политико-идеологический «образ врага» как продукт пропаганды [14, с. 52-58]. Изучено негативное отношение к «другим», основанное на «различного рода фобиях в межкультурных коммуникациях», которые под влиянием неблагоприятных социальных факторов трансформируется во «вражду» [15, с. 47-60].

На наш взгляд, представляет интерес изучение гендерного аспекта межличностных отношений в многоконфессиональной/интернациональной среде. Имеющиеся источники подтверждают сформулированную нами гипотезу о расхождении во взглядах мужчин и женщин [11, 15]. В них культура кавказцев представлена в свете выраженного мужского доминирования, сердцевиной которой являются маскулинные ценности. Данное различие не надо трактовать как некий «цивилизационный разлом» между воззрениями кавказцев и русских, но следует учитывать при разработке гипотез и стратегии исследования обозначенной темы [31]. Другие авторы отмечают бóльшую гуманистичность, гибкость суждений женщин и выраженную консервативность воззрений мужчин по вопросам межличностных отношений [11; 27].

Обзор литературы, а также недавние события с «националистической и религиозной подоплекой» (беспорядки в аэропорту Махачкалы и в ряде населенных пунктов Кабардино-Балкарии, убийство православного священника в Дербенте в 2023 г.) доказывают необходимость пристального изучения межличностных взаимоотношений в многоконфессиональном и многонациональном обществе.

Анализируемые далее данные получены в ходе исследования в 2022-2023 гг. в рамках темы «Социологический мониторинг развития гражданского общества, социальных и политических институтов», входившей в Реестр государственных заданий Министерства науки и высшего образования РФ. Часть результатов размещена в коллективной монографии ИСПИ ФНИСЦ РАН [23, с. 316-334]. Гендерный аспект исследования отражен в материалах конференции «Угроза терроризма и задачи общества к 25-летию разгрома бандформирований» (Махачкала, 2024) [10, с. 148-158]. В данной статье впервые в развернутом виде представлены количественные данные и оценочные суждения респондентов.

В исследовании ставились следующие *задачи*: 1 - изучить мнения жителей СКФО о межэтнических и межконфессиональных отношениях; 2 - оценить уровень неприязни населения к каким-либо людям или группам людей; 3 - выявить специфику мнений и оценочных суждений респондентов с учетом их этнической и гендерной составляющих. Для их решения респондентам были заданы в закрытой форме два вопроса: «1. Есть у Вас друзья среди представителей иного вероисповедания?», «2. Как Вы считаете, есть ли у Вас враги?» Ответ на вопрос «Кого или какие группы людей Вы считаете своими врагами?» респонденты писали сами.

Национальные характеристики объекта исследования представлены в таблице 1. Процентное соотношение выборки респондентов по национальному составу соответствует процентному соотношению национального состава жителей республик. Русские и русскоязычные респонденты – жители Северного Кавказа – выделены в отдельную группу.

Таблица 1.

Распределение респондентов по национальному составу, %

Республики	Национальность							
	русские, русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы	другие национальности
Кабардино-Балкария	25,1	66,9	-	-	-	-	-	8,0
Карачаево-Черкесия	33,6	-	49,7	-	-	-	-	16,7
Дагестан	5,0	-	-	86,0	-	-	-	9,0
Ингушетия	1,2	-	-	-	77,2	-	20,4	1,2
Северная Осетия	23,1	-	-	-	-	62,6	-	14,3
Чечня	3,7	-	-	-	0,3	-	93,4	2,6

Народы Дагестана (титульные этносы) представлены аварцами (29,4%), даргинцами (16,5%), кумыками (14,2%), лезгинами (13,0%), лакцами (5,4%), табасаранцами (4,2%), ногайцами (1,2%), рутульцами (0,9%), агулами (0,9%) и цахурами (0,5%). В среднем по всем республикам процент русских и русскоязычных респондентов составил 27,4%.

Методика исследования

Для решения обозначенных задач использовались результаты очного анкетирования респондентов, проведенного в 2022-2023 гг. в республиках СКФО. Выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и национальным признакам (пол, возраст, образование, национальный состав). Опрошено 1200 человек (по 200 респондентов в каждой республике). Количественные данные массового опроса статистически обработаны путем частотного и сопряженностного анализа, а также с помощью процедур факторного и кластерного анализа с целью выявления устойчиво взаимосвязанных групп переменных. Предельная ошибка выборки для совокупного массива не превысила 1,4%. Количественные данные закрытых вопросов подверглись математическому анализу: было произведено вычисление

среднего арифметического (Ср.ар.) и коэффициента вариации (V) переменных, позволяющего судить об их неоднородности - разности значений в зависимости от места проведения опроса, национальной, религиозной и гендерной принадлежности его участников.

Учитывалось, что на Северном Кавказе представление о принадлежности к религии и национальности практически неразделимы. Поэтому республики Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, жители которых традиционно исповедуют ислам, названы «мусульманскими республиками». Респонденты Северной Осетии, а также русские и русскоязычные респонденты всех республик, условно объединены в «группу респондентов, исповедующих православие».

В высказываниях респондентов под словами «другая религия» подразумевается или православие, или ислам соответственно. Ответы «есть друзья среди представителей другого вероисповедания» и «врагов нет» названы ответами положительной коннотации. И наоборот, ответы: «друзей нет» и «враги есть» названы ответами отрицательной коннотации. Под словами «прочие национальности» в таблице 1 понимаем русскоязычных респондентов.

Гипотеза исследования состоит из трех частей:

1. В большинстве ответов жителей республик СКФО обоего пола не будет зафиксировано неприязненных отношений к представителям других национальностей и религиозных конфессий. Сохраняется позитивное отношение к представителям других этнических и религиозных групп.
2. Межнациональное общение жителей Северного Кавказа остается на достаточно высоком уровне, несмотря на прошедшие войны и длящиеся около 30 лет вялотекущие межэтнические и межрелигиозные конфликты.
3. В традиционном кавказском обществе существуют отчетливые различия между “мужескими” и “женскими” оценками с большей гуманистичностью позиции женщин.

Результаты исследования

Количественные результаты исследования отражены в таблицах 2-6 (данные таблицы 2 использовались в коллективной монографии 2024 года ИСПИ ФНИСЦ РАН). Из таблицы 2 следует, в среднем 73,3% респондентов республик СКФО имеют друзей среди представителей иных вероисповеданий. Варьирование ответов невысоко ($V=12,8\%$), что говорит о близости оценок респондентов, независимо от региона опроса.

Таблица 2.

Есть у Вас друзья среди представителей иного вероисповедания? %

	Национальность							Ср. ар.	V
	русские, русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы		
Да	82,8	78,5	71,2	79,9	73,8	75,2	52,0	73,3	12,8
Нет	14,9	20,7	28,0	19,6	25,0	18,4	47,5	24,9	40,6
Затрудняюсь ответить	2,3	0,7	0,8	0,6	1,2	6,4	0,5	1,8	-
Итого	100	100	100	100	100	100	100		

Во всех республиках, кроме ЧР, более трех четвертей опрошенных отмечали, что имеют в качестве друзей «иноверцев». Чаше на это указывали русские и русскоязычные респонденты (82,8%). В ЧР 52,0% имеют друзей, исповедующих другую веру. Снижение закономерно: процент титульной нации – то есть чеченцев – в выборке составил 93,4%, а русских – 3,7% (см. табл. 1), что ограничивает контакты с представителями иной веры.

В среднем четверть опрошенных (24,9%) заявили, что не имеют друзей иного вероисповедания. Наиболее толерантными оказались русские и русскоязычные респонденты: лишь 14,9% их заявили, что у них нет друзей среди представителей иных религий. 6,4% опрошенных Северной Осетии и 2,3% русских и русскоязычных респондентов не знали ответа на этот вопрос. Среди представителей других народов таких ответов меньше.

В оценках кавказцами явления «дружбы» имеются некоторые гендерные различия (таблица 3). В позитивных ответах обнаружено: в среднем на 2,8% больше мужчин, чем женщин имеют друзей среди представителей другого вероисповедания. Лишь в Карачаево-Черкесии друзей-«иноверцев» у респонденток на 23,9% больше, чем у респондентов. Отличия в ответах негативной коннотации – «друзей нет» в рамках статистической погрешности.

Таблица 3.

Гендерные особенности ответов на вопрос «Есть у Вас друзья среди представителей иного вероисповедания?»%*

	Национальность														Ср. ар.	V		
	русские, русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		карачаевцы, черкесы		народы Дагестана		ингуши		осетины		чеченцы					
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен				муж
да	83,7	82,3	85,1	74,4	58,7	82,6	80,9	78,8	81,8	70,8	81,3	71,4	57,4	49,6	75,6	72,8	14,8	14,4
нет	13,5	15,8	14,9	24,4	39,7	17,4	19,1	20,0	18,2	27,5	12,5	22,1	41,0	50,4	22,5	22,7	50,6	47,9
Затрудняюсь	2,9	1,9	0,0	1,2	1,6	0,0	0,0	1,2	0,0	1,7	6,3	6,5	1,6	0,0	1,57	1,78	-	-

Во всех республиках СКФО, кроме Карачаево-Черкесии, мужчины имеют в среднем на 7% больше друзей среди представителей других конфессий, чем женщины. У дагестанцев, русских/русскоязычных респондентов эта разница оказалась минимальной: соответственно, 1,2 и 1,4%. У женщин Карачаево-Черкесии друзей среди представителей другой веры значительно больше, чем у мужчин (на 23,9%). Коэффициент вариации в ответах мужчин и женщин практически одинаков: в случае утвердительных ответов невысокий (14%), в случае отрицательных – высокий (48 – 50%); среди затруднившихся – 1,2%.

Во второй части исследования 62% респондентов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли у Вас враги?» указали, что «врагов» у них нет (табл. 4). Коэффициент варьирования этой части исследования был минимальным (V=5,6%). Ответ «скорее, нет» дали 41,2%, а твердый ответ «безусловно, нет» – их меньшинство (20,7%).

Треть респондентов (32,3%) указали на наличие «врагов», при этом, 23,6% ответили «скорее, есть», а 8,8% – «безусловно, есть». Колебания по варианту «скорее, нет» меньше ($V=11,2\%$), чем по «безусловно, нет» ($V=28,2\%$). Более всех «врагов» оказалось у респондентов Карачаево-Черкесии (40,2%), менее – у осетин (25,8%). Из таблицы 5 следует, что наименьшее количество «врагов» выявлено у респонденток Дагестана (25,9%); гендерная разница между ответами респондентов составила 7,1%.

Таблица 4.

Как Вы считаете, есть ли у Вас враги? %

	Национальность							Ср.ар.	V
	русские, русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы		
Безусловно, есть	10,6	10,4	11,4	5,0	7,9	6,3	9,7	8,8	25,5
Скорее, есть	22,4	21,5	28,8	24,6	26,8	19,5	21,4	23,6	13,0
Всего «есть»	33,0	31,9	40,2	29,6	34,7	25,8	31,1	32,3	12,8
Скорее, нет	45,2	33,3	40,9	37,4	45,7	39,1	46,9	41,2	11,2
Безусловно, нет	16,3	27,4	17,4	31,8	17,1	18,8	15,8	20,7	28,2
Всего «нет»	61,5	60,7	58,3	69,2	62,8	57,9	62,7	61,9	5,6
Затрудняюсь ответить	5,3	7,4	1,5	1,1	2,4	16,4	6,1	5,7	87,2

«Врагов» у представительниц других республик, а именно Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, русских/русскоязычных респонденток оказалось больше, чем у респондентов этих групп. Мужчины были наиболее единодушны в ответе «врагов нет» ($V=5,1\%$).

В среднем, на 2,3% больше мужчин, чем женщин, указали, что у них «врагов нет». Более всего «врагов» у респонденток Карачаево-Черкесии (44,9%), гендерная разница между ответами в этой республике максимальна и составила 10%. Среди осетин больше воздержавшихся от ответа на 1 и 2 вопросы (8,4 и 16,4% соответственно).

Тендерные отличия ответов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли у вас враги?» %

Таблица 5.

	Национальность										Ср ар.		У					
	русские, русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	карачаевцы, черкесы	народы Дагестана	ингуши	осетины	чеченцы		Муж	жен	Муж	жен	Муж	жен				
Безусловно, есть	12,4	9,5	8,5	12,2	9,5	13,0	4,3	5,9	11,4	6,7	4,1	7,6	16,9	6,6	9,6	8,8	43,8	30,0
Скорее, есть	17,1	25,9	21,3	23,2	25,4	31,9	28,7	20,0	31,8	25,0	20,4	19,0	16,9	23,4	23,1	24,1	22,9	12,0
Всего: есть	29,5	35,4	29,8	35,4	34,9	44,9	33,0	25,9	43,2	31,7	24,5	26,6	33,8	30,0	32,7	32,8	16,5	18,4
Скорее, нет	45,7	44,9	42,6	29,3	46,0	36,2	31,9	43,5	36,4	49,2	40,8	38,0	44,1	48,2	41,1	41,3	11,8	16,0
Безусловно, нет	17,1	15,8	23,4	25,6	19,0	15,9	33,0	30,6	20,5	15,8	24,5	15,2	15,3	16,1	21,8	19,3	25,1	29,7
Всего: нет	62,8	60,7	66,0	54,9	65,0	52,1	64,9	74,1	56,9	65,0	65,3	53,2	59,4	64,3	62,9	60,6	5,1	12,1
Затрудняюсь ответить	7,6	3,8	4,3	9,8	0,0	2,9	2,1	0,0	0,0	3,3	10,2	20,3	6,8	5,8	6,2	7,7	-	-

В третьей части исследования на открытый вопрос: «Кого, каких людей или группы людей Вы считаете своими врагами?» ответило 59,8% участников массового опроса (табл. 6).

Таблица 6.

**Каких людей или какие группы людей Вы считаете своими врагами?
(В % к общему числу ответивших на открытый вопрос)**

№	Условное название групп ответов	Национальность							Количество ответов	% от общего числа
		Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
1	Никого не считаю своим врагом	8,2	2,5	7,8	16,0	1,1	2,9	6,1	321	44,8
2	«Коллективный Запад», сионисты,	2,5	0,6	1,8	2,6	6,3	1,4	2,1	124	17,3
3	„Злодеи всех мастей“	1,7	0,7	1,4	0,3	1,8	0,8	0,6	52	7,3
4	Завистливые, жадные	1,6	0,4	0,6	0,6	1,6	0,6	0,4	36	5,0
5	Враги мне, моей семье и моей нации	1,1	0,1	0,4	1,5	0,6	0,4	0,8	36	5,0
6	Родственники, соседи, знакомые и коллеги	1,1	1,0	0,6	0,4	0,1	0,3	0,6	29	4,0
7	Лживые люди	0,1	0,1	0,3	0,1	2,5	-	0,3	25	3,5
8	Убийцы, маньяки, педофилы	0,4	0,1	0,1	0,7	0,6	0,7	0,3	21	2,9
9	Критики ислама, агностики, безбожники	0,1	0,1	0,1	0,3	0,8	0,1	1,3	21	2,9
10	Представители других религий, сект и национальностей	0,6	0,1	-	0,3	-	0,4	0,6	14	1,9
11	Нацисты, фашисты	0,3	0,3	0,1	0,6	0,1	0,4	-	13	1,8
12	Лица, распространяющие и принимающие наркотики	0,1	-	0,3			0,3	0,3	7	1,0
13	Исламисты, террористы, ваххабисты	0,1	-	0,1	0,4	0,1	-	0,1	7	1,0
14	Неформальные течения, гомосексуалы, лица нетрадиционной ориентация	-	-	-	-	-	-	0,3	0,3	0,3

№	Условное название групп ответов	Национальность							Количество ответов	% от общего числа
		Русские и русскоязычные	Кабардинцы, балкарцы	Карачаевцы, черкесы	Народы Дагестана	Ингуши	Осетины	Чеченцы		
15	Затрудняюсь ответить. Отказ от ответа	0,4	0,1	0,3	0,1	-	0,1	0,1	9	1,3
	Количество ответов	130	45	100	172	110	61	99	717	
	% от количества ответов	20,9	6,3	13,9	24	15,3	8,5	13,8	100	

Наибольшую активность проявили респонденты Дагестана (24,0% от общего числа ответивших) и русские и русскоязычные респонденты (20,9%). На открытые вопросы также пожелали ответить: респонденты Ингушетии (15,3%), Карачаево-Черкесии (13,9%), Чечни (13,8%), Северной Осетии (8,5%) и Кабардино-Балкарии (6,3%).

Ответы были объединены в 15 групп по сходству оценок. Ниже приводятся процентные значения от общего числа ответов и разъяснения респондентов.

1). 44,8% респондентов указали, что «врагов» у них нет. Отсутствие врагов в своей жизни более всех отметили дагестанцы: 16,0% от общего числа ответивших, за ними следовали русские и русскоязычные респонденты (8,2%) и карачаевцы и черкесы (7,8%).

2). «Коллективный Запад, сионисты». Под этим респонденты обозначили: «Израиль и Америку, иудеев, англичан, американцев, американцев и ваххабитов, «группу евреев». В эту группу объединены 17,3% ответов от общего их числа. Активнее всех о «коллективном Западе» негативно высказывались респонденты Ингушетии (6,3%) и Дагестана (2,6%), а также русские и русскоязычные респонденты (2,5%).

3). «Злодеи всех мастей» (7,3% от общего числа ответивших). Группа объединяет негативные характеристики личности, упомянутые примерно равное количество раз. Они представлены в алфавитном порядке: «атеисты и безбожники, аферисты, безответственные, бандиты, бесчестные, бюрократы, бездельники, бессовестные,

воры, вруны, ворчуны, высокомерные, кто вредит обществу, всех плохие люди вне зависимости от нации и вероисповедания, вредные, гнилые, двуличные, иждивенцы, коррупционеры, лицемеры и люди из криминальной среды, кто делает людям плохо, лгуны, лентяи, лживые, морально нечистоплотные, мешающие жить другим, невоспитанные, неграмотные, нетерпимые, несправедливые, неуравновешенные, недоброжелательные, непорядочные, неучи, неискренние, наглые, обманщики, подхалимы и политики, предатели, плохие люди, подрывающие моральные устои, равнодушные к чужому горю, сплетники, спесивые, самодуры, социопаты, социологи, тупые и глупые, трусы, торгаши, творящие беззаконие, ушлые, хапуги, циники, чванливые».

4). «Завистливые, жадные люди» выделена в отдельную группу, так как именно эта характеристика упоминает 5,0% ответивших на открытые вопросы.

5). «Враги мне, моей семье и моей нации». Группа составляет 5,0% из общего числа ответов. Наибольшее число ответов было со стороны респондентов Дагестана (1,5%) и русских и русскоязычных респондентов (1,1%).

6). 4,0% респондентов признались, что врагами являются «их родственники, соседи, знакомые и коллеги». Более всех указывали о наличии врагов среди родных, друзей и коллег русские и русскоязычные респонденты (1,1%) и кабардинцы и балкарцы (1,0%).

7). Характеристика «лживые люди» упоминалась в 3,5% случаев.

8). «Убийцы, маньяки, педофилы» упоминались как «враги» в 2,9% случаев.

9). Столько же респондентов считают своими врагами «критиков ислама, атеистов и безбожников». Наиболее активно таким образом отвечали респонденты Чечни (1,3%) и Ингушетии (0,8%).

10). Группа врагов из «представителей других религий, национальностей и сект» составили 1,9%. Упоминались следующие представители других религий: «исламысты, католики, иудей, протестанты, мусульмане, немусульмане, отрицатели единобожия, шииты и ашариты, вероотступники, люди, которые несут зло: все,

кроме мусульман»; сект: «сатанисты, язычники, многобожники» и национальностей: «негры, немцы, татары, ингуши».

11). 1,8% ответивших считают, что их врагами являются «нацисты и фашисты».

12). «Кто распространяет и принимает наркотики» - так пожелали ответить 1% участников.

13). «Исламисты, террористы» - так пожелали ответить 1% респондентов.

14). Группа «неформальные течения, гомосексуалы, нетрадиционная ориентация» составила 0,3%.

18). «Затрудняюсь ответить, отказ от ответа» - 1,3%.

Заключение

Проведенные исследования подтверждают выдвинутую гипотезу: кавказцы – как мусульмане, так и православные – проявляют достаточно дружелюбия к представителям других религий и этносов. В пользу выдвинутой гипотезы имеются следующие выводы.

1. В среднем три четверти их имеют друзей среди представителей иного вероисповедания. Наиболее открыты в этом отношении русские и русскоязычные жители Северного Кавказа: 83,7% мужчин и 82,3% женщин.

2. В среднем 78,4% опрошенных мужчин республик СКФО, включая Карачаево-Черкесию, имеют друзей среди исповедующих другую религию. Это на 7% больше, чем женщины. У дагестанцев, русских и русскоязычных респондентов эта разница оказалась минимальной и составила 1,2 и 1,4% соответственно. 82,6% женщин Карачаево-Черкесии имеют друзей среди представителей другой веры, что значительно больше, чем мужчин в этой республике - на 23,9%. Это объясняется возможностью более частых контактов между карачаевцами и черкесами, с одной стороны, и представителями русского и русскоговорящего населения республики, с другой, так как соотношение их в республике примерно одинаково. В Чеченской Республике лишь 52,0% опрошенных (57,4% мужчин и 49,6% женщин) указали, что они имеют друзей среди «иноверцев». Самые низкие цифры в от-

ветах чеченцев также объясняется соотношением долей титульного населения (93,4%) и русских/ русскоязычных жителей республики (6,3%). Другими словами, чеченцы не имеют возможности достаточно часто контактировать с представителями иной религии.

3. Подавляющее большинство респондентов (61,9%) указали, что «врагов» у них нет, в этом респонденты были единодушны. Из этого количества ответ «скорее, нет» дали большинство участников (41,2%), а твердый ответ «безусловно, нет» - 20,7%.

4. «Врагов» у представительниц Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и русских/русскоязычных респонденток оказалось больше, чем у респондентов этих групп, а у респонденток Карачаево-Черкесии их оказалось значительно больше, чем у респондентов (на 10%). Наименьшее количество «врагов» у респонденток Дагестана (25,9%), разница между ответами респондентов обоих полов в этой республике составила 7,1%. В среднем, на 2,3% больше мужчин, чем женщин, указали, что «врагов» у них нет.

5. 59,8% участников массового опроса ответили на открытый вопрос «Кого, какие группы людей Вы считаете своими врагами?». Из жителей Дагестана на него ответили 24,0%, из русских/русскоязычных - 20,9%. 44,8% опрошенных указали, что «врагов» у них нет, а 17,3% их таковым назвали «коллективный Запад». Наиболее часто так высказывались респонденты Ингушетии (6,3% от общего числа ответов), Дагестана (2,6%) и русские/русскоязычные респонденты (2,5%).

6. «Злодеи всех мастей» составили группу из 7,3%. Наибольшее число ответов в этой группе дали респонденты Ингушетии (1,8%) и русские и русскоязычные респонденты (1,7%).

7. «Зависть» и «ложь», очевидно, считается у кавказцев серьезным пороком, носители которых были упомянуты довольно часто - 5,0% и 3,5% соответственно. В случае «лживых людей» ответы респондентов Ингушетии составили 2,5% от общего числа ответивших и 16,3% от числа всех ответов ингушей.

7. Не более трех процентов респондентов указали, что их «враги» - «убийцы, маньяки, педофилы». Столько же опрошенных на-

звали таковыми «критиков ислама, атеистов и безбожников». Менее двух процентов упоминали «представителей других религий, сект и национальностей» (1,9%), «нацистов, фашистов» (1,8%), «лиц, распространяющих и принимающих наркотики», «агрессивные исламские группировки (исламских террористов)» (по 1,0%) и «лиц нетрадиционной сексуальной ориентации» (0,3%). Ни в одной республике не было ярко выраженных предпочтений по этой категории ответов, они были распределены равномерно, взаимосвязи между количеством ответов и местом проведения опроса не выявлено.

8. Русские/русскоязычные респонденты и жители Ингушетии проявили наибольшую активность в открытых ответах. У последних оказались более разнообразные представления об образе «врага»: ими дано максимальное количество ответов сразу в нескольких группах: «коллективный Запад и сионисты» (6,3%), «лживые люди» (2,5%), «злодеи всех мастей» (1,8%) и «завистливые, жадные люди» (1,6%).

Результаты данной статьи показывают: жители Северного Кавказа демонстрируют высокий уровень дружелюбия, веротерпимости и толерантности. Дружескими связями с представителями других народов и конфессий охвачено большинство участников опроса, как мужчин, так и женщин. Подавляющее большинство опрошенных также указывает на отсутствие у них врагов. Как у респондентов-мусульман, так и православных респондентов, не выявлено ярко выраженной неприязни к представителям других религий, сект, национальностей, гомосексуалистам, к «лицам, употребляющим наркотики».

Список литературы

1. Абдулагатов, З. М., & Шахбанова, М. М. (2014). Миграционные процессы в Дагестане и их отражение на межэтнических отношениях. *Вестник института ИАЭ*, (1), 188–201. EDN: <https://elibrary.ru/RXMFGV>
2. Абдулагатов, З. М. (2021). Экстремальности религиозного сознания в системе исламского образования Республики Дагестан (Часть 1). *Россия и мусульманский мир*, 2(320), 28–40. <https://doi.org/10.31249/rimm/2021.02.03>. EDN: <https://elibrary.ru/UXJUYE>

3. Абдулагатов, З. М. (2021). Экстремальности религиозного сознания в системе исламского образования Республики Дагестан (Окончание). *Россия и мусульманский мир*, 3(321), 48–62. <https://doi.org/10.31249/rimm/2021.03.04>. EDN: <https://elibrary.ru/SEMJUC>
4. Баранников, В. П., & Матренина, Л. Ф. (2004). Динамика религиозности в информационном обществе. *Социологические исследования*, (9), 102–107. EDN: <https://elibrary.ru/OXBQOL>
5. Богдан, С. С., Говорухина, А. А., Склифус, А. В., & Мартынцов, А. Ф. (2013). Распространённость национального экстремизма среди студентов педагогического университета. В кн.: *Сборник трудов Сургутского государственного университета* (с. 166–170). Сургут.
6. Галлямова, А. А., & Григорьев, Д. С. (2023). Культурное измерение «индивидуализм — коллективизм» как основной инструмент анализа сходств и различий культур. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3), 115–148. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.5>. EDN: <https://elibrary.ru/ZAENBQ>
7. Гарипов, Я. З. (2015). Динамика социально-этнической структуры персонала КамАЗа и межнациональные отношения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (4), 213–226. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.4.11>. EDN: <https://elibrary.ru/XBBCQV>
8. Дзудев, Х. В., & Корниенко, Н. В. (2018). Отношение жителей Северного Кавказа к свободе вероисповедания и вероотступникам. *Социологические исследования*, (1), 83–93. <https://doi.org/10.7868/S0132162518010099>. EDN: <https://elibrary.ru/YMAEVB>
9. Дзудев, Х. В., Дибирова, А. П., & Березина, Н. В. (2022). Отношение к публичному выражению своих взглядов о религиозной и политической жизни государства на Северном Кавказе. *Социология*, (2), 202–212. EDN: <https://elibrary.ru/NIYXRH>
10. Дибирова, А. П. (2024). Представления о «дружбе» и «вражде» у жителей СКФО (этногендерный аспект). В кн.: *Материалы Всероссийской научно-практической конференции: «Угроза терроризма: уроки истории и задачи общества к 25-летию разгрома бандформирований»* (218 с.). Махачкала: РЦЭИ ДФИЦ РАН, ИП Типография «Алеф». ISBN: 978-5-00212-665-1. EDN: <https://elibrary.ru/GXUBZX>

11. Клименко, Л. В., & Верещагина, А. В. (2023). Активность женщин в публичной сфере: динамика этногендерных установок на Юге России. *Социологические исследования*, (10), 137–145. <https://doi.org/10.31857/S013216250028311-5>. EDN: <https://elibrary.ru/TBRCDY>
12. Клушина, И. В. (2008). Этническое самосознание молодежи в условиях полиэтничного социума. В кн.: *Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика* (299 с.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН.
13. Козырев, Г. И. (2017). Конфликтный потенциал современного российского общества. *Социологические исследования*, (6), 68–78. <https://doi.org/10.7868/S013216251706006X>. EDN: <https://elibrary.ru/YTMFNL>
14. Козырев, Г. И. (2018). Образ внешнего врага как фактор легитимации политического режима в современной России. *Социологические исследования*, (1), 52–58. <https://doi.org/10.7868/S0132162518010063>. EDN: <https://elibrary.ru/YMAEUA>
15. Лабутина, Т. Л. (2019). К вопросу об этнических стереотипах в исторической имагологии: трансформация образа «чужого» в образ «врага». В кн.: *Свой и «чужой» в кросс-культурных коммуникациях Запада и России* (247 с.). Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя». Получено из: <https://igh.ru/publications/158?locale=ru>. EDN: <https://elibrary.ru/FKSEX5>
16. Ляшенко, И. В., Дрыгина, Ю. А., & Леонович, Е. О. (2019). Кто такие «тожероссияне»? *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*, 2(5), 43–58. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-5>
17. Магомедова, М. З. (2011). Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского социума. *Исламоведение*, 4(10), 60–70. EDN: <https://elibrary.ru/ONPLPB>
18. Магомедова, М. З. (2022). *Диверсификация идентичности в северокавказском социуме: религиозный и этнический уровни* (178 с.). Махачкала: Издательство «АЛЕФ». <https://doi.org/10.33580/9785002121717>. ISBN: 978-5-00212-171-7. EDN: <https://elibrary.ru/FYUIEU>
19. Малахов, В. (2007). *«Понаехали тут...»: очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме* (200 с.). Москва: Новое литературное обозрение. ISSN: 1813-65838.

20. Мчедлов, М. П., Гаврилов, Ю. А., & Шевченко, А. Г. (2004). Мировоззренческие предпочтения и национальные различия. *Социологические исследования*, (9), 53–61. EDN: <https://elibrary.ru/OXBQOB>
21. *Пресс-выпуск Левада-Центра (объявленного иностранным агентом)* [Электронный ресурс]. Получено 28.01.2025, из: <http://www.levada.ru/26-08-2020/natsionalizmksenofobiya>
22. Раджабова, Р. В., & Курбанов, М. А. (2014). Поликультурное воспитание студентов в условиях полиэтнической среды педвуза. *Педагогическое образование и наука*, (6), 126–128. ISSN: 2072-2524. EDN: <https://elibrary.ru/TPVZJF>
23. Левашов, В. К., Березина, Н. В., Великая, Н. М., [и др.]. (2024). *Российское общество и государство: основания устойчивости и тенденции изменений: социальная и социально-политическая ситуация (2024)* (432 с.). Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-428-4>. ISBN: 978-5-89697-428-4
24. Сиражудинова, С. В. (2022). Гендер и фронтир на Северном Кавказе. *Вестник антропологии*, (2), 128–140. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-2/128-140>. EDN: <https://elibrary.ru/QLUSTL>
25. Собкин, В. С., & Николашина, Е. В. (2006). Отношение московских подростков к мигрантам: культурная дистанция, временные сдвиги, национальная самоидентификация. В кн.: *Социокультурные трансформации подростковой субкультуры* (254 с.) / отв. ред. В. С. Собкин. Москва: Федеральное государственное научное учреждение «Институт социологии образования» Российской академии образования.
26. Стризов, А. Л. (2018). Социокультурные основания конфликтов на Юге России. *Primo Aspectu*, 4(36), 9–14. EDN: <https://elibrary.ru/YSBWIH>
27. Текуева, М. А. (2019). Мир чувственных переживаний кавказской женщины. *Вестник антропологии*, 3(47), 22–38. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-47-3/22-38>. EDN: <https://elibrary.ru/TVRHBB>
28. Тишков, В. А. (2003). *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии* (541 с.). Москва: Наука. ISBN: 5-02-008820-X. EDN: <https://elibrary.ru/RAOEBN>

29. Указ Президента Российской Федерации «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (введён в действие с 31.10.2018). Москва, 2018. Получено 01.06.2025, из: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102485445&intelsearch> ; <http://kremlin.ru/events/president/news/65418>
30. Шахбанова, М. М. (2024). Религиозность и этнические установки дагестанской молодёжи. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, (3), 75–82. <https://doi.org/10.23672/SAE.2024.10.21.003>. EDN: <https://elibrary.ru/OIXBHW>
31. Цуциев, А. А. (1998). *Русские и кавказцы: очерк незеркальной неприязни* [Электронный ресурс]. Получено 18.10.2024, из: <http://www.iriston.com/nogbon/print.php?newsid=925>
32. Aini, N. (2008). Inter-religious marriage from socio-historical Islamic perspectives. *BYU Law Review*, 3(669), art. 19, 669–705.
33. Apel, H. (2007). *Europa ohne Seele* (256 S.). Giesen Basel: Verlag „Brunnen“.
34. Chee Heng Leng, Gavin, W. J., & Maznah, M. (2009). Muslim-non-Muslim marriage, rights and the state in Southeast Asia. В кн.: *Political and Cultural Contestations in Southeast Asia* (с. 1–29). Singapur.
35. Gerhards, J. (2004). Europäische Werte – Passt die Türkei kulturell zur EU? *Aus Politik und Zeitgeschichte*, (9), 14–24.
36. Janssen, A., & Ayca, P. (2006). Soziale Netzwerke türkischen Migrantinnen und Migranten. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, (1–2), 11–14.
37. Nur Farhana Khadijah, Nurhanisah, & Sri Rahayu. (2019). Story telling as a peace education in interfaith dialogue. *Afkar*, 21(1), 111–138.
38. Sejdini, Zekirija. (2015). Wir sind keine Götter. Plädoyer für eine sachliche Diskussion über die Erscheinungsformen des politischen Islams. *InterNational. Nachrichten aus Politik, Weltchronik, Kultur und Medien*, (6), März.
39. Sejdini, Zekirija, Kraml, Martina, & Scharer, Matthias. (2020). *Becoming human: fundamentals of interreligious education and didactics from a Muslim-Christian perspective* (162 S.). Baden-Baden: Verlag Peter Lang. ISBN (elektronisch): 978-1-78874-722-6.
40. Zaid, Ahmad. (2007). Multiculturalism and religio-ethnic plurality. *Culture and Religion*, 82, July, 139–153.

References

1. Abdulagatov, Z. M., & Shakhbanova, M. M. (2014). Migration processes in Dagestan and their impact on interethnic relations. *Bulletin of the Institute of IAE*, (1), 188–201. EDN: <https://elibrary.ru/RXMFGV>
2. Abdulagatov, Z. M. (2021). Extremes of religious consciousness in the system of Islamic education in the Republic of Dagestan (Part 1). *Russia and the Muslim World*, 2(320), 28–40. <https://doi.org/10.31249/rimm/2021.02.03>. EDN: <https://elibrary.ru/UXJUYE>
3. Abdulagatov, Z. M. (2021). Extremes of religious consciousness in the system of Islamic education in the Republic of Dagestan (Conclusion). *Russia and the Muslim World*, 3(321), 48–62. <https://doi.org/10.31249/rimm/2021.03.04>. EDN: <https://elibrary.ru/SEMJUC>
4. Barannikov, V. P., & Matronina, L. F. (2004). Dynamics of religiosity in the information society. *Sociological Research*, (9), 102–107. EDN: <https://elibrary.ru/OXBQOL>
5. Bogdan, S. S., Govorukhina, A. A., Sklifus, A. V., & Martyntsov, A. F. (2013). Prevalence of national extremism among pedagogical university students. In: *Collection of works of Surgut State University* (pp. 166–170). Surgut.
6. Gallyamova, A. A., & Grigoriev, D. S. (2023). The cultural dimension of “individualism — collectivism” as the main tool for analyzing similarities and differences between cultures. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 26(3), 115–148. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.5>. EDN: <https://elibrary.ru/ZAEBHQ>
7. Garipov, Ya. Z. (2015). Dynamics of the socio-ethnic structure of KamAZ personnel and interethnic relations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (4), 213–226. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.4.11>. EDN: <https://elibrary.ru/XBBCQV>
8. Dzutsev, Kh. V., & Kornienko, N. V. (2018). Attitudes of North Caucasus residents toward freedom of religion and apostates. *Sociological Research*, (1), 83–93. <https://doi.org/10.7868/S0132162518010099>. EDN: <https://elibrary.ru/YMAEVB>
9. Dzutsev, Kh. V., Dibirova, A. P., & Berezina, N. V. (2022). Attitudes toward public expression of views on religious and political life in the

- state in the North Caucasus. *Sociology*, (2), 202–212. EDN: <https://elibrary.ru/NIYXRH>
10. Dibirova, A. P. (2024). Perceptions of “friendship” and “enmity” among residents of the North Caucasian Federal District (ethno-gender aspect). In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference: “The Threat of Terrorism: Lessons of History and Society’s Tasks on the 25th Anniversary of the Defeat of Armed Groups”* (218 p.). Makhachkala: RCEI DFRC RAS, IP Printing House “Alef”. ISBN: 978-5-00212-665-1. EDN: <https://elibrary.ru/GXUBZX>
 11. Klimenko, L. V., & Vereshchagina, A. V. (2023). Women’s activity in the public sphere: dynamics of ethno-gender attitudes in Southern Russia. *Sociological Research*, (10), 137–145. <https://doi.org/10.31857/S013216250028311-5>. EDN: <https://elibrary.ru/TBRCDY>
 12. Klushina, I. V. (2008). Ethnic self-consciousness of youth in a multi-ethnic society. In: *Multi-ethnic macroregion: language, culture, politics, economy* (299 p.) / Ed. by Acad. G. G. Matishov. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishing House.
 13. Kozyrev, G. I. (2017). Conflict potential of contemporary Russian society. *Sociological Research*, (6), 68–78. <https://doi.org/10.7868/S013216251706006X>. EDN: <https://elibrary.ru/YTMFNL>
 14. Kozyrev, G. I. (2018). The image of an external enemy as a factor in legitimizing the political regime in modern Russia. *Sociological Research*, (1), 52–58. <https://doi.org/10.7868/S0132162518010063>. EDN: <https://elibrary.ru/YMAEUA>
 15. Labutina, T. L. (2019). On ethnic stereotypes in historical imagology: transformation of the image of the “other” into the image of the “enemy”. In: *One’s own and the “other” in cross-cultural communications between the West and Russia* (247 p.). Saint Petersburg: Aleteya Publishing House. Retrieved from: <https://igh.ru/publications/158?locale=ru>. EDN: <https://elibrary.ru/FKSEXS>
 16. Lyashenko, I. V., Drygina, Yu. A., & Leonovich, E. O. (2019). Who are the “also-Russians”? *Research Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics*, 2(5), 43–58. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-5>

17. Magomedova, M. Z. (2011). Identity and tolerance as a condition for stability of the North Caucasian society. *Islamic Studies*, 4(10), 60–70. EDN: <https://elibrary.ru/ONPLPB>
18. Magomedova, M. Z. (2022). Diversification of identity in the North Caucasian society: religious and ethnic levels (178 p.). Makhachkala: ALEF Publishing House. <https://doi.org/10.33580/9785002121717>. ISBN: 978-5-00212-171-7. EDN: <https://elibrary.ru/FYUIEU>
19. Malakhov, V. (2007). *“They’ve come in droves...”: essays on nationalism, racism, and cultural pluralism* (200 p.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. ISSN: 1813-65838
20. Mchedlov, M. P., Gavrillov, Yu. A., & Shevchenko, A. G. (2004). Worldview preferences and national differences. *Sociological Research*, (9), 53–61. EDN: <https://elibrary.ru/OXBQOB>
21. Levada Center press release (designated as a foreign agent) [Electronic resource]. Retrieved on January 28, 2025, from: <http://www.levada.ru/26-08-2020/natsionalizmksenofobiya>
22. Radzhabova, R. V., & Kurbanov, M. A. (2014). Multicultural education of students in a multi-ethnic environment of a pedagogical university. *Pedagogical Education and Science*, (6), 126–128. ISSN: 2072-2524. EDN: <https://elibrary.ru/TPVZJF>
23. Levashov, V. K., Berezina, N. V., Velikaya, N. M., et al. (2024). *Russian society and state: foundations of stability and trends of change: social and socio-political situation (2024)* (432 p.). Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-428-4.2024>. ISBN: 978-5-89697-428-4
24. Sirazhudinova, S. V. (2022). Gender and frontier in the North Caucasus. *Bulletin of Anthropology*, (2), 128–140. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2022-2/128-140>. EDN: <https://elibrary.ru/QLUSTL>
25. Sobkin, V. S., & Nikolashina, E. V. (2006). Moscow teenagers’ attitudes toward migrants: cultural distance, temporal shifts, and national self-identification. In: *Sociocultural transformations of adolescent subculture* (254 p.) / Ed. by V. S. Sobkin. Moscow: Federal State Scientific Institution “Institute of Sociology of Education”, Russian Academy of Education.

-
26. Strizoe, A. L. (2018). Sociocultural foundations of conflicts in Southern Russia. *Primo Aspectu*, 4(36), 9–14. EDN: <https://elibrary.ru/YSBWIH>
 27. Tekueva, M. A. (2019). The world of sensory experiences of a Caucasian woman. *Bulletin of Anthropology*, 3(47), 22–38. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2019-47-3/22-38>. EDN: <https://elibrary.ru/TVRHBB>
 28. Tishkov, V. A. (2003). *Requiem for an ethnos: studies in sociocultural anthropology* (541 p.). Moscow: Nauka. ISBN: 5-02-008820-X. EDN: <https://elibrary.ru/RAOEBN>
 29. Decree of the President of the Russian Federation “On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025” (effective from October 31, 2018). Moscow, 2018. Retrieved on June 01, 2025, from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102485445&intel-search> ; <http://kremlin.ru/events/president/news/65418>
 30. Shakhbanova, M. M. (2024). Religiosity and ethnic attitudes of Dagestani youth. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, (3), 75–82. <https://doi.org/10.23672/SAE.2024.10.21.003>. EDN: <https://elibrary.ru/OIXBHW>
 31. Tsutsiev, A. A. (1998). *Russians and Caucasians: an essay on non-mirrored antipathy* [Electronic resource]. Retrieved on October 18, 2024, from: <http://www.iriston.com/nogbon/print.php?newsid=925>
 32. Aini, N. (2008). Inter-religious marriage from socio-historical Islamic perspectives. *BYU Law Review*, 3(669), art. 19, 669–705.
 33. Apel, H. (2007). *Europa ohne Seele* (256 S.). Giesen Basel: Verlag “Brunnen”.
 34. Chee Heng Leng, Gavin, W. J., & Maznah, M. (2009). Muslim-non-Muslim marriage, rights, and the state in Southeast Asia. In: *Political and Cultural Contestations in Southeast Asia* (pp. 1–29). Singapore.
 35. Gerhards, J. (2004). Europäische Werte – Passt die Türkei kulturell zur EU? *Aus Politik und Zeitgeschichte*, (9), 14–24.
 36. Janssen, A., & Ayca, P. (2006). Soziale Netzwerke türkischen Migrantinnen und Migranten. *Aus Politik und Zeitgeschichte*, (1–2), 11–14.
 37. Nur Farhana Khadijah, Nurhanisah, & Sri Rahayu. (2019). Storytelling as a peace education in interfaith dialogue. *Afkar*, 21(1), 111–138.

38. Sejdini, Zekirija. (2015). Wir sind keine Götter. Plädoyer für eine sachliche Diskussion über die Erscheinungsformen des politischen Islams. *InterNational. Nachrichten aus Politik, Weltchronik, Kultur und Medien*, (6), März.
39. Sejdini, Zekirija, Kraml, Martina, & Scharer, Matthias. (2020). *Becoming human: fundamentals of interreligious education and didactics from a Muslim-Christian perspective* (162 S.). Baden-Baden: Verlag Peter Lang. ISBN (electronic): 978-1-78874-722-6.
40. Zaid, Ahmad. (2007). Multiculturalism and religio-ethnic plurality. *Culture and Religion*, 82, July, 139–153.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Дибирова Аминат Паруковна, кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник
*Институт социально-политических исследований Федерального
научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук*
ул. Фотиевой, 6, г. Москва, 119333, Российская Федерация
dibirova59@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Aminat P. Dibirova, Candidate of Biological Sciences
*Institute of Socio-Political research – Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of
Sciences*
6, Fotieva Str., Moscow, 119333, Russian Federation
dibirova59@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3914-9702>
ResearcherID: U-3124-2018

Поступила 13.11.2025

После рецензирования 23.12.2025

Принята 25.12.2025

Received 13.11.2025

Revised 23.12.2025

Accepted 25.12.2025